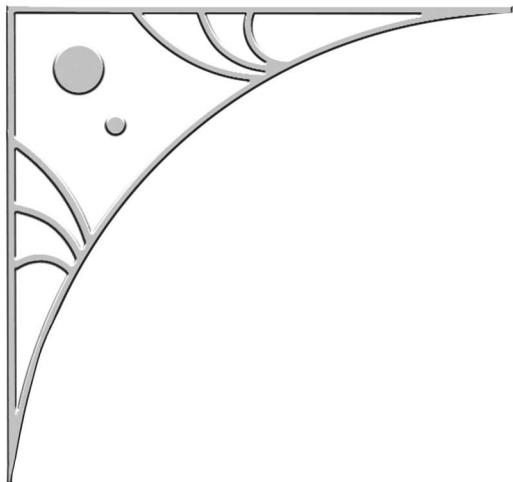

EMMU

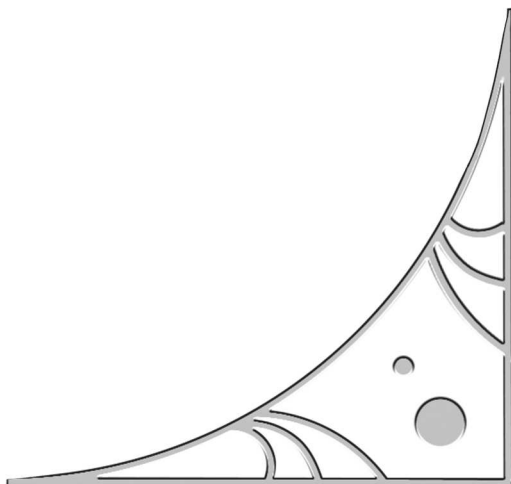
Г Е М М Ы

Сыскное управление

Орден Сияющих

Архив Инквизиции

◆ Анна и Марк Коэн ◆

Орден
Сияющих

ЧЕРНЫМ
БЕЛО
МОСКВА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К76

Иллюстрация на переплете *Полины Граф*
Дизайн обложки *Александра Андреева*
Иллюстрации на форзаце, нахзаце и в тексте *Invi*
Иллюстрация во внутреннем оформлении
Анастасии Щукиной

Коэн, Анна.

К76 Геммы. Орден Сияющих / Анна и Марк Коэн. —
Москва : Эксмо, 2025. — 640 с.

ISBN 978-5-04-203552-4

Никто не проникает в тайны Церкви Святых Серафимов безнаказанно. Отряд сыскных расколот, Илаю и Диане приходится примерить алые мундиры гвардии, чтобы спастись от преследования. Дворец полон блеска и интриг, а бал в нем правят рыцари Ордена Сияющих — лучшие из геммов.

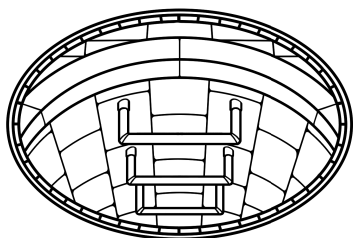
Норма и Лес по приказу Инквизиции расследуют случаи Катаклизмов греха и вплотную подступают к тайне противостояния серафимов и демонов, однако это знание может стоить им жизнью.

И героям только предстоит узнать, что соблазнам противостоять сложнее, чем монстрам.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Коэн А. и М., текст, 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-203552-4

Полуночная ожадия

Месяц был до того узкий, что больше напоминал иглу для шивания ран, чем пристойное светило. Его скудные лучи едва касались свинцовых оплеток окон Архива Внутренней Церкви, а о том, чтобы проникнуть внутрь и хоть немного развеять мрак читального зала, и речи не шло.

Но пятнадцатилетнему рыжему мальчишке, единственному, кто еще бдел над манускриптами в ту ночь, свет и не требовался — его янтарно-желтые глаза без труда различали каждый штрих и мелкий завиток на каждом гербе, что он изучал и старался запомнить.

Бытность дохляком в мире, где все решает сила — мускулов или же серафимова благословения — способствует развитию изворотливого ума. А если и ума не дано, всегда есть книги, где можно взять немного взаймы. Кроме того, нет места лучше во всем подзвездном мире, где манускриптов полно, а вот наставников по атлетике не наблюдается ни одного.

Михаэль быстрее геммов-одногодков понял, что бороться с тиранией Прохора столь же бесполезно, как пытаться сдвинуть с места монастырь — только подналяг, сразу пуп развяжется. Также споро он выяснил, что с янтарем его с малой вероятностью отправят в далекую губернию сторожить еретиков да помахивать дубиной. Он изучил все переписи рыцарей Ордена Сияющих и сделал вывод: ему стоит попасть во дворец. И только туда, ведь иначе его ждет армия — генералы никогда не прочь заполучить адъютанта,

владеющего неслышным голосом. И хоть последняя война со Шлеменским княжеством за земли Волчьей слободы закончилась победой Паустаклавы, Михаэль не желал вступать на эту стезю.

Михаэль хотел... иного. Чего-то большего, чему пока не смог подыскать достойного названия.

А раз он хотел покончить с муштрой сразу по завершении учебки, стоило озаботиться знаниями, каких не может дать ни один наставник. Получить доступ в Архив было непросто — его выдавали либо лучшим, либо провинившимся особым образом. Пытать судьбу Михаэль не желал, ведь как тут угадаешь — пройдутся по твоей спине палками или отправят переписывать траченные древодедкой тома? Правильно, никак. Потому он штудировал историю, писания угодников и, разумеется, «Наставления Диаманта», чтобы показать, что вот он — прилежный во всех отношениях кадет, коего стоит время от времени поощрять поездкой на другой конец столицы в карете без окон до самого Черного сада, что скрывал в своей глубине мрачное здание Архива.

Но накануне Михаэль все же умудрился проштрафиться на тренировке по фехтованию: во время учебного боя с Рахель — девчонкой сильной и свирепой, как равнинный полоз, хоть и красивой, он в кои-то веки сумел перейти в контратаку и потеснить противницу, но... рано обрадовался. Выбив из ее руки шпагу, Михаэль успел издать победный клич, который сменился дружным вздохом ужаса — описав дугу, шпага впилась в ногу Габриэля, щуплого лазурита, пробив сапог насквозь. Пришпиленный к плацу Габриэль нелепо повалился на задницу, остальные геммы стайкой поспешили к нему. Руки Михаэля тряслись крупной дрожью, когда он пытался вынуть шпагу, но та лишь покачивалась, ускользая из его вспотевших пальцев. Габриэль бледнел на глазах, но, наученный горьким опытом, не издавал ни звука.

Все действие заняло не больше десяти секунд. Тут к геммам широкими шагами приблизился Прохор — наставник по атлетике, выдубленный тренировками и солнцем малахит.

Рывком он выдернул злосчастное орудие, вторым поднял за шкуру Габриэля. Кровь толчками выплескивалась через дыру в сапоге, заливая истоптанные доски плаца.

Наставник пихнул раненого в спину, прямо в объятия крепыша Рустикса, и рыкнул:

— Этого в лазарет. А ты... — повернулся он к Михаэлю. Тот обмер. — Тебя, паршивец, я в пыль сотру.

И ушел, на ходу вытирая шпагу от крови ветошью. Что-то, а оружие наставник ценил. В отличие от вверенных ему кадетов.

Рахель проводила удаляющихся Рустикса и Габриэля холодным взглядом алых глаз.

— Подумаешь, важность, — фыркнула она, отбросив на спину длинную черную косу, что кончиком дотягивалась ей до бедер. — Немного крови. Нанеси удар я, он бы неделю ходить не смог.

Иногда Рахель бывала такой, что загляденье — даже мешковатая форма учебки ее не портила, а будто намекала на какую-то удивительную тайну, что скрывается под ней. Но чаще в присутствии сестры-гемма Михаэль чувствовал себя не уютнее, чем мышь, какими настоятель монастыря баловал своих любимых сов.

Он все же решил ответить:

— Но, выходит, нанес его я.

Рахель вздернула верхнюю губу, мигом взбеленившись.

— Не обольщайся, растяпа. Все потому, что я тебе поддалась.

Вскоре за ней потянулись прочь остальные геммы — яшмы, лазуриты, малахиты, редкие турмалины. И каждый наверняка думал: «Как хорошо, что на его месте не я». Через пару минут Михаэль остался во внутреннем дворе монастыря один. Кулаки сами сжимались и разжимались. Он был унижен и напуган, а более всего его страшило грядущее наказание. Пусть Габриэль его друг и обязательно простит косорукого янтаря, но это все потом — сейчас ему стоило поберечь свою шкуру.

Он развернулся на каблуках и побежал, выколачивая пыль и щепки из настила. Скорее, скорее, пока его не хватились, пока не решили его судьбу. Нужно скрыться, забиться в самый дальний, самый безопасный угол, и там переждать бурю. Затем, когда первая волна гнева уляжется, вторую он уже сможет вытерпеть. Он неся по крытым переходам и беленым сводчатым коридорам, расталкивая чернавок, служителей-геммов и мелюзгу с еще не пробужденными глазами.

В келью ментора по истории Михаэль ворвался, уже раскрасневшийся и взмокший.

— Господин наставник! — выпалил он.

Лазурит лет пятидесяти с вытянутой, похожей на гусиную, физиономией соблюдал традицию оздоровительного послеобеденного сна, а потому на вопль кадета отреагировал звуком, с каким, вероятно, восстают из мертвых, и сел на узком ложе.

— Горим?! Опять?!

«Ах, если бы!» — подумал Михаэль, припомнив славный день пожара, когда загорелась сажа в кухонной трубе, а из-за дыма всех кадетов выгнали на двор, где они ночевали в палатках, отужинав куриной похлебкой с костра. Но вслух сказал:

— Что вы, господин наставник, все покойно. Я лишь вспомнил о работе по геральдике, которую вы велели написать. Мне необходим допуск в Архив.

Наставник зевнул во весь рот и поскреб пегую бороду — единственную пышную растительность, какой мог похвастать.

— Но ведь, насколько я помню, я велел сдать ее не позже дня Вавилы-послушника, а теперь только...

— Вы ведь не откажете страждущему знаний?! — взвыл Михаэль, ненароком обернувшись через плечо. Ему как раз померещились тяжелые шаги по каменным плитам.

Наставник важно засопел. Михаэль уж знал, за какую ниточку стоит дернуть.

— Полноте, юноша, разумеется, не откажу.

Историк с хрустом поднялся с кровати и направился к крохотному столу, что подпирал собой противоположную стену кельи. Там он извлек из стопки свежий лист бумаги, не спеша

оточил гусиное перо и обмакнул его в чернильницу. Михаэль переминался с ноги на ногу.

— Сим письмом... — начал диктовать себе лазурит, — вверяю отрока...

Пытка длилась нестерпимо долго, но она того стоила. Через несколько минут наставник присыпал чернила песком для просушки и развернулся к Михаэлю, по-прежнему стоявшему столбом в распахнутых дверях.

— На вас лица нет. И не говорите, что это от жажды знаний.

Михаэль лишь выдавил подобие улыбки. Наставник тяжело вздохнул и протянул ему пропуск.

— Однажды вы выйдете за эти стены по-настоящему и тогда поймете, что... — Лазурит оборвал себя на полуслове. — Впрочем, когда поймете, тогда и поймете. Ступайте, и да хранят вас святые наставники.

Поклонившись, Михаэль помчался к конюшням. Спустя час с небольшим он уже вдыхал благословенную бумажную пыль Архива Внутренней Церкви. Аромат цветущего древесного шиповника просачивался через неплотно прикрытые фрамуги, придавая здешнему стылому воздуху особую прелесть и настраивая юного янтаря на мечтательный лад.

Хранитель Архива с подозрением изучил «очередную писульку», но Михаэль знал — вредный старик позволит ему копаться в свитках и манускриптах сколько душе угодно, хоть всю ночь.

Так оно и вышло: едва сумерки будто затянули тесемки вокруг солнца, пряча его в свой кисет, Хранитель засобирился восвояси. Михаэль же уходить не планировал. Хранитель уже по обыкновению оставил ему на столе кольцо с трещоткой тяжелых ключей и, не прощаясь, вышел вон. Михаэль тоже не удостоил его пожеланием сна под легким крылом.

Раз уж он оказался здесь, стоило оправдать доверие наставника по истории и выполнить хоть часть работы по геральдике высокородных домов. Кроме общего задания, Михаэль надеялся прочесть как можно больше о собственной, ныне истончившейся кровной линии.

Так он и оказался здесь ночью — слишком темной для человеческих глаз. Но всем известно, что кроме людей в этом мире есть много чудного.

Михаэль потер переносицу. История порой раздражала его разнотолками. Вот, к примеру, достославный король Бертрам, объединивший империю и давший начало княжескому роду Клюковых, — кем он был, откуда пришел? Некоторые летописцы утверждали, что нагрянул он с востока, то бишь из Церновии, а то и спустился из непроходимых Медных когтей. Допустим. Но уже другой почтенный знаток междоусобных времен настаивал, что пришел будущий король напрямиком из Скаловии, что ныне входила в состав Паустаклавы. Или вот кобольды — летописцы, поди, до хрипоты спорили, сколько их всего было, могли ли они говорить по-человечески и использовать мистирию. Михаэль подпер щеку кулаком, изгвазданным в чернилах. И что ему писать в своей работе? А если так же будет с каждым родом? Может, ну его, сказать, что нашел только один источник? Но тут же встряхнулся — так не пойдет. Ведь иначе не видать ему придворной службы.

Выписав имена и тезисы каждого летописца, Михаэль вгляделся в герб Клюковых. На нем на редкость неказистое, ушастое и носатое существо с хвойного оттенка кожей усердно маршировало, помахивая коротким посохом. Под ногами уродца стелилось пурпурное полотно, над головой красовался княжеский венец. И как расписать: «миссию рода, исходя из символизма его герба»? Вот же нелепица...

Михаэль уронил голову на сложенные руки. Может, если поспать, в голове немного прояснится и проснется он полным стройных идей?

Уснуть почти удалось. После общих комнат монастыря, тесных и переполненных, где бок о бок ютились и рабочие-служители, и младшие, и старшие геммы, кроме наставников, здесь дышалось легче легкого. Медовая дрема с привкусом пыльцы шиповника нашептывала что-то нежное, светлое, словно девичье имя... Михаэль слегка улыбнулся. Он почти уже слышал его.

«Макар!»

Нет, прекрасную даму Макаром не назовут. Михаэль слегка нахмурился, пытаясь уловить сон за верткий хвост.

«Мака-а-ар!»

Гемм поднял голову. Рыжие волосы упали на глаза.

Голоса, писклявые и скрипучие, звучали у него в голове, точно как при разговоре неслышным голосом. Но кто мог звать в ночи в Архиве? Какой-то припозднившийся служащий или Архивариус инквизиции? Но почему тогда он мог слышать этот глас?

«Макар, открой, Макар, открой!» — вразнобой твердили голоса в голове.

Поеживаясь, Михаэль поднялся на ноги. Видать, кто-то заплутал в коридорах да оказался по ошибке заперт. Этот янтарь, видимо, звал своего знакомого, но поблизости оказался только кадет из учебки. Но как он смог дозваться, если они с Михаэлем незнакомы? Нелепый случай. Рассуждая так, он потянулся, потер плечи и подхватил со стола связку ключей. Вот-де удивится служащий Внутренней Церкви, застав здесь его! Ну да у него письмо от наставника есть, не заругают.

«Иду, иду», — бросил он наугад, но в ответ прилетело только уж опостылевшее: «МАКА-А-АР!»

— Бесы б его взяли, этого Макара, — проворчал Михаэль себе под нос, прикрывая за спиной дверь читального зала Архива.

И пошел на звук содрогающихся дверей. И застыл, рот разинувши. Потер глаза. Дверь продолжала ходить ходуном, а на ней...

«Открой, открой, открой!»

Кобольды. Пятеро кобальдов. В пятнистых кацавейках и коротких штанцах. С бесформенными, что брюквя, носами и развесистыми драными ушами, прямо как на гербе князей Клюковых. Воняло от них почему-то жженым торфом, да так, что нос закладывало.

«От-крой! Ма-кар! От-крой!»

Точно зачарованный, он шагнул ближе. Раньше он видел подобных тварей лишь на страницах «Имперского бестиария» да вот только что — на страницах геральдического свода. Прутья решетки располагались слишком близко друг к другу, чтобы пролезть между ними, но один из страховидл все же попытал судьбу и проиграл: кургузое тело с выпирающим брюшком накрепко застряло промеж кованых листьев и загогулин. Подельники пытались вытянуть его за ноги, похрюкивая и натужно сопя, сам пострадавший лишь кряхтел и пучил черные зенки. Заметив Михаэля, они на миг замерли, но только для того, чтобы с утроенной силой начать дергать несчастного собрата.

«Макар, Макар, Макар!»

Михаэль поморщился, непрекращающийся гвалт уже вызывал головную боль. Да и застрявший как-то нехорошо язык набок вывалил, еще задохнется ненароком...

— Да тихо вы! — шикнул он на кобольдов, но они ему не вняли. Тогда он повторил неслышным голосом. И продолжил: — Угомонитесь, и я помогу его вытащить.

Преодолев брезгливость, он попытался подтолкнуть кобольда со своей стороны, но вышло совсем бестолково. Нужно было тянуть за ноги, иначе никак. Тогда Михаэль обратился к ушастой братии снова: «Ключи видите? Сейчас отомкну, разойдись!»

Посмотрев по сторонам и убедившись, что Архив все же пустует, Михаэль громыхнул для наглядности связкой ключей, и нелюди понятливо отступили на пару шагов.

«И откуда они только взялись? — рассуждал Михаэль. — И ведь вошли через главные двери, только вот в решетку уперлись».

Скользнув в предбанник Архива, Михаэль вцепился в засаленный веревочный пояс кобольда и уперся ногой в решетку, остальные четверо повисли на нем пудовыми мешками.

«Эх, взяли! Потянем!»

Спустя несколько минут возни, кряхтения и хрипов им таки удалось высвободить незадачливого лазутчика.

«Ну все, свободен, — выдохнул Михаэль и отер пот со лба. — А вы что здесь забыли? Эй, вы куда?! Нельзя!»

Неблагодарные твари, едва встряхнувшись после передряги, гуськом скользнули в приоткрытые решетчатые двери и на удивление шустро потопали по коридору первого этажа. Михаэля запоздало настигло осознание: он пустил нечисть в святая святых — хранилище знаний Внутренней Церкви! Сам открыл им дверь! Какой же он наивный... доброхот.

— Чтоб вас бесы взяли, — сплюнул он и устремился следом. Впрочем, что делать, когда он их догонит, Михаэль не догадывался. Их пятеро, а он один! Безоружный и хилый.

Кобольды будто точно знали, куда им идти, и вперевалку ковыляли в сторону винтовой лестницы, ведущей наверх.

«А ну назад! Я позову... позову охрану! Вас высекут и обезглавят! Ну пожалуйста», — неслышно увещевал Михаэль, чуть не плача, и сам не веря своим словам. Мысль о том, что случится, узнай старшие геммы, что он впустил в Архив кобольдов, приводила его в смертный ужас.

«Хорошо, Макар, хорошо», — похрюкивало в голове.

«Да не Макар я!»

Шлепая босыми лапами, кобольды сноровисто ощупывали каждую ступень, простукивали каждый камень кладки стен и центральной колонны. Пока Михаэль внутренне подвывал и одновременно терялся в догадках, они миновали второй этаж, а за ним и третий, вход на который тоже перекрывала решетка.

«Ну вот, сейчас они уткнутся в тупик и развернутся», — понадеялся Михаэль.

Зря.

Потолкавшись на верхней площадке, слишком узкой и для двоих человек, один из кобольдов, тот самый, что прежде застрял между прутьев, важно всхрапнул мясистым носом, тряхнул ушами и, подпрыгнув, нажал на один из камней центральной колонны. Камень неожиданно подался, провалившись куда-то вглубь.

— Что за... — выдохнул Михаэль.

«Хорошо, хорошо!»

В колонне открылся проход вниз, и кобольды один за другим нырнули в него.

— Куда! — схватился за голову Михаэль.

Но нелюди его совсем не слушали. Заглянув в каменный колодец, коим оказалась колонна, Михаэль увидел, как ловко они перебирают длиннопальными руками, спускаясь по металлической лестнице. Ступенька за ступенькой, ниже и ниже. В захватывающую ледяную глубину. Сердце подскочило к горлу и забило так неистово, что грозило задушить Михаэля.

В этот миг он забыл и о своих проступках, и о грозящих карах. В голове крутился только один вопрос: «Что там?»

